

Ся Ивэй, возможно, и проводила мало времени с сыном, но она искренне о нем заботилась. Хотя она не одобряла его новую цель, она всё же решила разузнать о ней побольше.

Она вызвала сына на душевный разговор, вспоминала его детство, сокрушаясь, что упустила момент, когда у него проснулся талант к традиционным искусствам.

Ци Шэцзяну пришлось изрядно попотеть, выуживая из памяти факты, чтобы не проколоться на деталях прошлого.

В конце концов Ся Ивэй объявила, что хочет отвезти его в одно место. Её знакомый владел старой чайной, где каждый вечер шли традиционные представления: акробатика, музыкальные сказы и прочее. Она специально выкроила время, чтобы свозить туда сына.

— Знаешь, что это за место? — Ся Ивэй припарковала машину у входа и торжественно произнесла: — Не каждый комик сяньшэн попадает на телевидение. Большинство работают в таких вот чайных, едва сводя концы с концами. Твои конкуренты здесь — не только коллеги по жанру, но и актеры оперы, акробаты и даже исполнители мюзиклов.

Она специально привезла его сюда, а не на телестудию, чтобы показать суровую реальность и напугать.

Но Ци Шэцзян лишь восхищенно выдохнул: — Ого, какие тут шикарные условия!

В его времена, когда он перешел дорогу какому-то чиновнику, ни один театр не смел его принимать. Ему приходилось выступать прямо на земле, зазывая народ на улице.

А конкуренция с другими жанрами? Да в старых балаганах всегда так было: фокусы, воланы, жонглирование чашами... чего там только не было.

Ся Ивэй поперхнулась.

Тон Ци Шэцзяна был настолько искренним, что она не нашлась, что ответить.

— ...Н-ну, наверное, есть места и похуже, просто их не видно. Заходим.

Надев темные очки, она провела сына внутрь. Обычно здесь собирались либо любители попить чаю и посмотреть шоу, либо туристы.

Ся Ивэй позвонила владельцу и прошла сразу в кабинет:

— Господин У, спасибо, что нашли время встретиться.

Она была знакома с ним, хотя тот и не бывал в чайной каждый день.

— Сестра Ся, ну что вы, для вас я всегда свободен, — господин У взглянул на Ци Шэцзяна и, зная, чей это сын, рассыпался в комплиментах.

Затем вовремя добавил:

— Хотите заглянуть за кулисы? Я вас провожу.

Без хозяина заведения им бы вряд ли позволили просто так разгуливать по гримеркам артистов.

За кулисами в это время было довольно оживленно. Ся Ивэй прятала лицо за темными очками, а популярность Ци Шэцзяна была еще не настолько велика, чтобы его узнавал каждый встречный. Видя, что их сопровождает сам господин У, артисты не задавали лишних вопросов.

Ся Ивэй твердо решила показать сыну, как нелегко дается этот хлеб, поэтому не планировала уходить быстро — она собиралась пробыть здесь как минимум весь вечер. Нужно было и послушать, что говорят за кулисами, и посмотреть, что происходит на сцене.

В любом деле есть свои трудности. Ей самой было непросто в роли «красивой пустышки», что уж говорить об этих артистах?

Господин У посидел с ними какое-то время, рассказывая разные истории из жизни заведения. Он не знал истинных целей Ся Ивэй, но раз она так настойчиво расспрашивала о быте артистов, он охотно поддерживал беседу.

Спустя полчаса в гримерку внезапно влетел менеджер чайной:

— Лю Да с напарником не придут! Лао Чжоу, не уходи, выходи на сцену — нужно спасать положение.

Господин У вскинул брови:

— Что с ними случилось?

При одном упоминании об этих двоих менеджер вспыхнул:

— Да что-что... говорят, на другой халтуре еще не закончили, не успевают. Эти двое возомнили, что раз пару раз мелькнули в телевизоре, то стали великими звездами! Мэтрами себя почувствовали!

В его голосе сквозила явная насмешка. Упомянутая пара выступала у господина У два года, и недавно им действительно улыбнулась удача — после нескольких эфиров их узнаваемость выросла.

Господин У давно подозревал, что они ищут повод уйти. Это было нормально: кто захочет киснуть в чайной, если можно попасть в телевизор? С такой известностью на выездных концертах можно заработать куда больше. Но вот так срывать выступление было крайне непорядочно.

— Ладно, — раздраженно бросил господин У, — Лао Чжоу, выходите пока вместо них.

Лао Чжоу был мастером пиншу (сказателем). В этот момент, когда других артистов не было под рукой, только он мог заткнуть дыру в программе. Не говоря ни слова, он взял свой реквизит и вместе с менеджером отправился к сцене.

Однако через пару минут он вернулся.

Господин У удивился:

— А сейчас-то что не так?

Менеджер, вытирая пот, проворчал:

— Эти подлецы Лю Да... Сегодня в зале целая туристическая группа. Видать, гид на лапу от

них получил — уж не знаю, что он там наплел туристам, но они теперь шумят, гонят артиста со сцены, требуют только Лю Да и его напарника.

Господин У потерял дар речи:

— Я же не обещал им конкретных артистов! Я просто продал групповой билет!

Оба принялись на чем свет стоит ругать нерадивых комиков. Но руганью делу не поможешь — нужно было спасать вечер. Господин У обвел взглядом гримерку, лихорадочно соображая, кто сможет усмирить толпу.

— Господин У, а давайте я спою песню, — внезапно с мягкой улыбкой предложила Ся Ивэй.

Хозяин заведения ошеломленно уставился на нее. По сравнению с Лю Да и им подобными, Ся Ивэй была звездой первой величины. Именно поэтому он даже не смел мечтать о том, чтобы пригласить её выступить в своей скромной чайной!

— Это... вы слишком добры ко мне, — поспешно ответил он. — Я найду кого-нибудь из старых актеров.

Конечно, ему пришлось бы приложить усилия или предложить гостям бесплатный чай, чтобы утихомирить их, но это было лучше, чем позориться. В конце концов, виноват Лю Да или нет, а неспособность разрулить ситуацию — это признак некомпетентности хозяина.

Но Ся Ивэй настояла:

— Мы и так сегодня вас стеснили. Мы ведь друзья, ничего страшного.

Видя её искренность, господин У проникся глубоким уважением. Они не были близкими друзьями, но с таким легким характером было неудивительно, что Ся Ивэй столько лет оставалась на плаву в шоу-бизнесе, ни разу не оступившись.

Менеджер и остальные артисты, слушая бесконечные благодарности хозяина, недоумевали. Но когда Ся Ивэй сняла очки, их осенило. Все заволновались — никто не ожидал, что у их босса такие связи. Получается, они сегодня выступят на одной сцене с настоящей суперзвездой?

Раз уж они были в чайной, Ся Ивэй посмотрела на Ци Шэцзяна. Идея пришла сама собой: спеть дуэтом их версию «Зачем "Западный флигель"».

Господин У не особо следил за светской хроникой, но ему было всё равно — пусть бы она привела хоть десяток сыновей, лишь бы вечер был спасен.

Ци Шэцзян тоже огляделся и улыбнулся: — Тогда я одолжу саньсянь и подыграю вам.

...

VIP-ложа.

Старик и юноша пили чай, холодно наблюдая за происходящим внизу. Юноше было лет семнадцать-восемьдесят. Вытянув шею, он прокомментировал:

— Дедушка, того сказителя (использующего «короткое оружие» — веер и колотушку) прогнали со сцены.

Старик сухо ответил:

— Сходи разузнай, придут ли те двое, о которых ты говорил.

Юноша кивнул и вышел.

Вскоре он вернулся, вздохнув:

— Похоже, не придут. Эх...

Если бы Лю Да был здесь, он бы локти себе искусал от досады.

Этого старика звали Лю Цюаньхай — он был старейшим мэтром в мире сяншэна, десятки лет блиставшим на ТВ. Его старший ученик возглавлял Пекинскую ассоциацию сяншэна. Хотя в последние годы он редко выступал, его авторитет был непререкаем. Одно его слово значило больше, чем все усилия Лю Да.

Лю Да случайно познакомился с внуком Лю Цюаньхай — тем самым юношей — и бесчисленное количество раз намекал на желание войти в круг доверия мастера.

Но он и подумать не мог, что ветреный юноша сегодня просто по пути затащит деда в чайную: «Дедуль, пошли глянем выступление моего знакомого, он вроде неплох».

Лю Цюаньхай всегда поддерживал молодежь и охотно согласился. Кто же знал, что они наткнутся на такое вопиющее высокомерие со стороны Лю Да.

Старик уже собирался уходить, как вдруг снизу донеслись восторженные крики. Они увидели, что на сцене появились двое новых людей.

Юноша присмотрелся:

— Ого, они что, настоящих звезд пригласили? Это же Ся Ивэй и её сын... как его там, Ци какой-то.

Зал не просто успокоился — он буквально взорвался. Ся Ивэй привычно поприветствовала публику и объявила, что вместе с сыном исполнит песню, основанную на балладах-дагу «Зачем "Западный флигель"».

Видя весь этот шум, Лю Цюаньхай снова потянулся к выходу. Он видел Ся Ивэй на множестве телешоу, и её выступление его совершенно не интересовало.

Внук же, состроив гримасу, шепнул:

— Дедушка, погоди, послушай. Моя сестренка крутила эту песню — этот парень добавил туда кусок баллады, так там фальшь такая, что уши вянут. Вообще непонятно, что за стиль. В сети говорят, у него манера исполнения «суррогатная», ха-ха-ха!

— Пойдем, не на что тут смотреть, — вяло поднялся Лю Цюаньхай.

Пение Ся Ивэй его не прельщало.

Но именно в этот момент зазвучал саньсянь.

Саньсянь — инструмент капризный. У него нет ладов, длинный гриф, три струны. Без

серьезной подготовки на нем сложно даже просто попасть в ноты, не говоря уже о технике. Но если овладеть им в совершенстве, отсутствие ладов становится главным преимуществом: звук льется свободно, гибко, меняясь от нежного до мощного по воле исполнителя.

На севере для сказов обычно используют большой саньсянь. И сейчас звук этого инструмента был прозрачным, округлым и совершенно особенным.

«Зачем "Западный флигель"» — это история о любви. Ци Шэцзян сопровождал пение матери более нежной вибрацией струн, чем в оригинале, добавив мелодии томности и изящества.

Глаза Лю Цюаньхая вспыхнули.

Он замер на месте и искренне похвалил:

— Эта лютяня... скользит-то как душевно!

Старику этого было мало — он сделал два шага назад к ограждению ложи и, присмотревшись, обнаружил, что на инструменте играет не профессиональный музыкант, а сын Ся Ивэй.

Мальчик подавился. Он не знал, что Ци Шэцзян владеет инструментом, и пробурчал:

— Ну, сойдет.

Но в следующую секунду, когда Ся Ивэй дошла до припева «Разве это не сон о небе и земле любви...», эмоции достигли пика. Ци Шэцзян выдал серию скользящих средних нот, которые в точности имитировали нежный крик дикого гуся.

Дикий гусь — символ верности, а имитация голосов животных на струнах — это высший пилотаж. В мире традиционных искусств этот прием называют «Цяобянь сяньсы» (Искусное преобразование струн).

Лю Цюаньхай не скрывал восхищения. Он взглянул на внука:

— «Цяобянь сяньсы»... передавать чувства через образы, а форму — через звук. С таким мастерством он может фальшивить?

Юноша был в замешательстве. Ему стало неловко за то, что он разносил слухи:

— ...Ну, вы послушайте, что там дальше в балладе будет! Кто сказал, что если умеешь играть, то умеешь и петь?

В этом была своя логика. Лю Цюаньхай сел обратно, больше не помышляя об уходе.

Как раз в этот момент Ся Ивэй закончила припев, и настала очередь Ци Шэцзяна: «Тени слив на бумажном окне, месяц едва взошел...»

Во время второго выступления Ци Шэцзян чувствовал себя еще увереннее. Он начал с низких нот, мелодия лилась плавно. Финальные звуки каждой строки он тянул и завершал мягко, но с огромной внутренней силой.

Это был один из сложнейших приемов Цзыдишу — «Цюэвэй» (Хвост воробья), который обычно используется для описания пейзажей или в лирических моментах.

В Цзыдишу выделяют две школы: восточную — героическую и мощную, и западную —

изысканную и певучую. Старый мастер, учивший Ци Шэцзяна, принадлежал к западной школе, поэтому для «Западного флигеля» этот стиль подходил идеально.

Внук обрадовался:

— Вот, вот оно! Слышите? Что это за напев такой странный?

Сейчас молодежь редко идет в сяньшэн. Парень хоть и рос в семье артистов, сам не проходил классического обучения и не имел особого таланта. В отличие от того мастера из оркестра или самого Лю Цюаньхая, он судил поверхностно. Хотя даже по одной технике вокала можно было понять, что о фальши не может быть и речи.

Юноша обернулся к деду, но увидел, что тот изменился в лице. Старик не отрываясь смотрел на сцену.

Внук хотел что-то сказать, но Лю Цюаньхай просто закрыл ему лицо ладонью:

— Заткнись!

Только когда Ци Шэцзян допел свои четыре строки, Лю Цюаньхай выдохнул воздух, который задерживал всё это время. Он прикрыл глаза, на его лице отразилась целая гамма сложных чувств.

— Дедушка?.. — осторожно позвал внук.

Лю Цюаньхай медленно открыл глаза и покосился на него:

— Не виню тебя. Даже я не сразу поверил, что кто-то еще способен на такое. Если я не ошибся, он поет вовсе не балладу-дагу. Это Цзыдишу.

Внук посмотрел на него так, будто увидел привидение:

— Цзы-цзыдишу? Вы шутите? Оно же вымерло лет сто назад!

<http://bllate.org/book/17028/1583190>